

Михаил Богатырев
Душа, очарованная Кипром : Никанор Себелев

Конфликтность внутренних и внешних церковных отношений – тема необъятная и неблагоприятная. В представлении сразу же вырисовывается образ лучины, расщеплённой на мелкие волокна, каждое из которых светит в свою сторону, озаряясь «единственно возможной» кажимостью Истины и категорически отрицая всё, что в эту кажимость не вписывается. Отмечая подобный раскол Церкви на несметное множество частиц, противоречащих друг другу и уклоняющихся от синергии, Лев Толстой утверждал, что тем самым земное христианство неопровержимо свидетельствует против себя (но не против Христа, вероятно?). О небесном же христианском царствии мы можем лишь мечтать, не имея в наличии никаких фактов¹. Возникает соблазн транспонировать толстовскую мысль в современные понятия и объявить Церковь своего рода «системной ошибкой» Всевышнего. Однако вера как таковая (или «логика мифа», если использовать терминологию Я. Голосовкера) под категорию системных ошибок не подпадает. Значит, речь идёт о принципиальном несовершенстве именно земного порядка Церкви, об иерархии, идеологии и о человеческом факторе. Если прислушаться к критически мыслящим церковным обозревателям, то в качестве примера можно указать на экспансивную доминанту Московского Патриархата, давно уже ставшую притчей во языцех. Ещё в конце 1990-х годов политический философ Александр Ахиезер отмечал, что Россия, принимающая себя за Третий Рим, всегда бросает вызов настоящему Риму (теперь это США), но когда до кажущейся победы остаётся один-два шага, она идёт в обвал – как это было в 1917 году.

«Возможно, её (России) призвание не в том, чтобы быть ещё одним Римом, центром высокомерного могущества, – писал он. – Соискателей на эту роль и без неё достаточно. Рассуждая о перспективах, следует помнить, что в мире был не только Рим, но и Иерусалим, что импульсы объединения человечества исходили не только от рыцарей торговли и войны, создателей империи, но и от создателей катакомбной церкви, обращённой не к победителям, а побеждённым, "нищим духом"».

Известный лишь в весьма узком кругу поэт Никанор Себелев (имя и фамилия заменены на псевдоним, выбранный автором), выросший в семье, тесно связанной с катакомбной церковью², с молоком матери впитал в себя тот особый род инакомыслия, при котором земные блага, социум, государство и конвенциональная религиозность предстают как условности, принимаемые во внимание только для того, чтобы не сгореть раньше времени в смрадной пасти вселенского Левиафана³. Его предки были выходцами из Финляндии, и во время Отечественной войны проживали в Ленинградской области, где им, в

1 Поздний Толстой призывал к строительству Царствия Божия на земле, за что и был исторгнут из официальной церкви.

2 В данном случае катакомбная церковь понимается расширительно – не как какое-то конкретное объединение, но как собирательное именование тех представителей российского православного духовенства, мирян, общин, братств и т. д., которые, начиная с 1920-х, в силу различных причин перешли на нелегальное положение.

3 «Любая церковь, связанная с государством, долгое время в России будет восприниматься, по выражению Мережковского, как церковь Антихриста... Есть надежда только на то, что новая российская церковь, новое истинное христианство будет катакомбным. И уж оно, по крайней мере, ручаться с властью не будет». – Дмитрий Быков (telegram post от 24.07.2025).

отличие от их соседей, семейства Ульяновых⁴, чудом удалось избежать отправки на принудительные работы в Германию.

Когда на заре 1990-х годов над Россией со скрипом приподнялся «железный занавес», Никанор сподвигнулся объехать пол-Европы практически без гроша в кармане. Его духовное преображение произошло на Кипре, откуда он вернулся в Россию уже совершенно иным человеком. Поначалу Никанор старался внешне никак не афишировать своего обновлённого состояния, однако его выдавали стихи, в которых были прописаны некоторые детали внутриалтарного литургического обихода, например, испитие вина из потира (евхаристической чаши), доступное лишь церковнослужителям:

Мне безпричинно хочется вина.
 Наполню я кувшин, и <.. >
 загляну в потир, <...>
 увижу в нём рубиновое пламя.
 Над бытием задумаюсь я вновь.
 Вот мой кувшин, вот и потир сияет златом;
 его края как губы милой
 манят и зовут.
 И я впиваюсь с радостью бездумной
 и долго пью нектар, таящийся внутри.

(Н. Себелев. «Смятение»)

Эти строки так и хочется дополнить строфой из Михаила Гронаса, которая обнаруживает схожую антиномичность исповедального настроения – и по степени вовлечённости в литургику, и по ключевому слову «смятение» (почему Н. Себелев вынес его в заголовок, остаётся только гадать):

И знаешь, такое смятение в храме
 Являет собою моя голова,
 Как будто священник пошёл за Дарами
 А паства с хорами забыла слова.⁵

Стихосложением Никанор Себелев увлёкся ещё в школьные годы, и примерно в то же время в нём начала пробуждаться пока ещё смутная, неотчётливая тяга к духовной стезе, которая и станет впоследствии его путеводной звездой. Не вступая ни в какие творческие союзы (возможно, из опасений подпасть под чьё-то влияние), он, тем не менее, много общался как с московскими концептуалистами (Л. С. Рубинштейном, Д. А. Приговым), так и с представителями петербургского литературно-художественного андегрнда, в частности, с поэтом и прозаиком Георгием Сомовым⁶, очень внимательно отнёсшимся к опытам Никанора

4 Николай Иванович Ульянов (1904–1985) – русский эмигрант, историк, профессор Йельского университета (США), автор книг «Очерки истории народа Коми-Зырян» (Ленинград, 1932), «Происхождение украинского сепаратизма» (Мадрид, 1966) и др.; см.: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/proishozhdenie-ukrainskogo-separatizma/#0_1.

5 Цитата из очерка Геннадия Кацова «Михаил Гронас: "Забыть значит начать быть"», опубликованного в «Эмигрантской лире» № 50, см.: <https://share.google/9jOCeCeYr5j2EFm3v>.

6 О Сомове см. здесь: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/s/somov/>. Кстати, я лично Георгия Сомова помню очень хорошо: вечно взъерошенный, в обличьи парии, этот прихрамывающий, грузный острослов обладал большим авторитетом в питерском художественном подполье, так как ухитрился ещё в брежневские времена опубликовать в недосягаемом тогда «Новом журнале» отрывок своего романа об А. С. Пушкине.

Себелева, не претендовавшего на какую бы то ни было рецепцию и равнодушно относившегося к известности.

Кто мне споёт об этом, кто сыграет?
Кто не заденет бахромку ткача,
кто из узора извлекает звуки,
ни слова не сказав и не молча?

(Н. Себелев. «Кто мне споёт...»)

Сомов горячо поддержал идею Никанора о том, что хорошо бы писать не от себя, а словно бы «транслировать», не творить в общепринятом смысле, но стремиться к сотворчеству с самим Творцом всего сущего. «Пиши, как на душу ложится: коряво, ломко, – говорил он, – пиши без посылки, без конструкта, без базы; отбрось ритм и размер, который скачет, как жеребец; откажись от основы, от композиции»⁷.

Тяготая к «прикровенности» в Боге, к особому рода анахоретству, Себелев поначалу увлёкся Дурылинскими идеями, прошёл через толстовство и имяславчество (Лосев, Флоренский). Со слов самого Никанора нам известно, что «Роза Мира» произвела на него не столь сильное впечатление, как поэзия Даниила Андреева, а на его дальнейшее становление особенно повлияла книга святителя Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа, тело», которую он раздобыл в машинописном виде. С течением времени Никанор Себелев всё глубже погружался в богословие, а свои поэтические изыскания воспринимал как сугубо частное дело. При этом он окончательно определился с манерой письма и, продолжая развивать установку, сформулированную Сомовым, создал несколько поэтических книг-манускриптов, никуда их не рассылая и никому не показывая, так как стремился сохранить в тайне лирическую сторону своей природы. Его стихи были начисто лишены той восторженно-наивной спекулятивности, которой пронизана практически вся так называемая православная поэзия, публикуемая в журнале «Фома» и целом сонме прочих «елейных» изданий.

Блядство кругом,
и Толстой не поможет,
осыпая народы смарагдом⁸ томов.
Курносые лошади
прячут головы в зыбкий песок.
<...>
Солнце –
старый одноглазый литейщик –
синеву от зрачков подарив небесам,
матерится.
(Н. Себелев. «Блядство кругом...»)

Самобытная поэтика Никанора Себелева, усложнённая редкими, малочастотными словосочетаниями, напоминает автоматическое письмо сюрреалистов, пропущенное сквозь призму радикального народнического самосознания (от протопопа Аввакума до Н. Клюева и

7 Кстати, при таком подходе и временная несогласованность глаголов в последней строчке процитированного отрывка («не сказав» – деепричастие завершённого типа, относящееся к прошедшему времени; «не молча» – незавершённый тип действия, относящийся скорее к настоящему времени) вовсе не выглядит грамматическим ляпусом.

8 Смарагд (из греч. σμάραδος, зелёный) – устаревшее название для драгоценных камней насыщенного зелёного цвета, из современного языка совершенно вытеснено изумрудом.

А. Добролюбова⁹). Последних двух поэтов объединяла восходящая к хлыстовству доминанта богоискательства, проявлявшаяся в деконструкции словесных гармоний, на грани маньеризма и дислексии (у позднего Добролюбова – вплоть до полного отрицания как речи, так и письма). Некоторые строфы Себелева прописаны как ребусы, не имеющие разгадки, своего рода дзенские коаны:

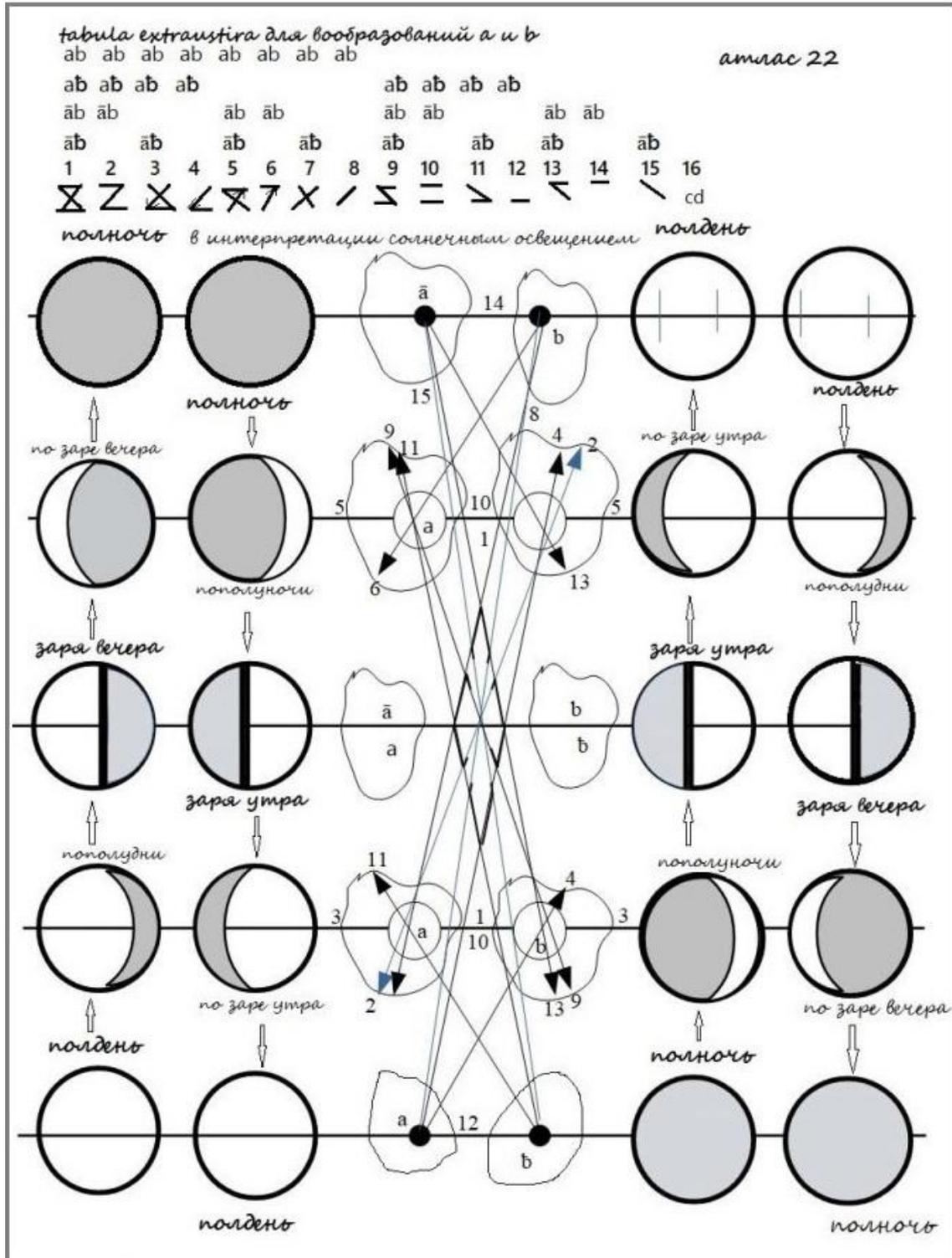
В календаре рассчитан каждый день,
секунды в нем вибрируют как струны.
Лучами солнца выписана тень,
и отблеском луны очерчены лакуны.

(Н. Себелев. «Время»)

Ниже мы воспроизводим одну из схем парижского мистика архимандрита Евфимия (Вендта, 1894-1973), которая, как нам кажется, как нельзя лучше выражает суть «календарной» строфы Н. Себелева. Градации освещённости заданы здесь как комбинаторные сочетания света (Солнце) и тьмы (Луна).

Попытку заложить основы схематизации всего сущего – мироздания, явлений природы и т. п., вплоть до божественных предопределений – предпринял в своих математических трудах польский мессианист Юзеф Гоэнэ-Вронский (1776–1853). Обладая чертёжными навыками и богатым воображением, архимандрит Евфимий представил на «Атласе 22» идеальную и неизменную комбинацию, своего рода божественную партитуру, которую, по его мнению, пытается исполнить сотворённая Богом природа. Очевидно, однако, что в зависимости от геолокализации и времени года, а также с учётом разнообразных природных флуктуаций Солнце и Луна могут существенно отклоняться от заявленных в партитуре соотношений (сюда не вписывается, например, полярная ночь). В данной схеме импонирует прежде всего демиургический размах её создателя, ну, а что же касается нюансов ... они остаются, так сказать, *ad libitum*.

9 Биографию А. М. Добролюбова см. здесь: https://hrono.ru/biograf/bio_d/dobrolyubov_am.php .
См. также: Н. А. Бердяев «Духовное христианство и сектантство в России» – http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1916_duhovhoe_hristianstvo.shtml . О творчестве: М. Ю. Богатырев. «Лакуна и интонация в стихотворении А. М. Добролюбова «Печаль» – https://wikilivres.ru/images/7/7f/5_Dobrolubov_MB_1.pdf .

Архимандрит Евфимий. Атлас 22.
 «Полночь и полдень в интерпретации солнечным освещением» (перерисовка в линейной графике: М. Б.)

На рисунке: Ладанное дерево. Ботаническая иллюстрация из книги Köhler's Medizinal-Pflanzen, 1887

А — цветущая ветвь (на основе рисунка Бентли); 1 — цветок; 2 — то же в продольном разрезе; 2а — цветок (по Байону); 3 — чашечка с нектарным диском и пестиком (по Байону), с рыльцем, лепестки и тычинки удалены; 3а — нектарный диск и пестик в форме, известной по растению вида *Boswellia carterii* (по Байону); 4 — чашечка; 5 — тычинка; 6 — завязь в поперечном разрезе; 7 и 8 — плод (коробочка); 9 — коробочка в поперечном разрезе; 10 — семя.

В поисках идеалов раннехристианской соборности Никанор Себелев прошёл трудным путем духовных мытарств,¹⁰ и в итоге, не удовлетворившись ни одной из существующих в России юрисдикций, он вновь оказался на Кипре, настроившись на то, чтобы в одностороннем порядке, вдали от дрязг и искажений¹¹, строить собственную линию богообщения.

10 Он не обрел искомой благодати ни у «зарубежников» в РПЦЗ, ни в автономной церкви (РПАЦ). РПЦЗ или Русская православная церковь за рубежом возникла в 1920 году как объединение клириков и мирян, оказавшихся в эмиграции вследствие революции 1917 года и поражения Белого движения. Со сложной историей её постепенного расщепления и внутренних разногласий можно поверхностно ознакомиться по ссылке: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_православная_церковь_заграницей. РПАЦ – Автономная (или Свободная) церковь с центром в городе Суздале (1990-е гг., так называемый «Суздальский раскол») и с весьма конфликтной историей (https://ru.wikipedia.org/wiki/Российская_православная_автономная_церковь), не имеющая евхаристического общения ни с одной из Поместных православных церквей.

11 Которые неминуемо захлестывают любые герметические сообщества, в том числе и религиозные.

Никанор собирал маслины, стручки каробового дерева и экспериментировал с благовонными растениями, составляя ароматы для дальнейшего использования их в богослужении:

Босвеллии¹² потрескалась кора,
И ароматы растворили вечность,
Не подтверждая жизни скоротечность,
Уложенную в «завтра» и «вчера».

(Н. Себелев. «Время»)

Поселившись в заброшенном скиту, Никанор изредка появлялся на службах в Архиепископии в Никосии, а в монастыре на Пафосе ему иногда разрешали прислуживать. Он состоял в переписке с общиной Тэзе¹³ и с братом Роже лично¹⁴, пытаясь внедрить на Кипре опыт молчальников-экуменистов (в чём, впрочем, не преуспел).

Намотаю душу на веретено,
может быть соткётся бело полотно,
может попадетса среди ниток сор,
сложится из грязи озорной узор.
Ляжет как по нотам иероглиф сна,
и проснётся песней на холсте весна.

(Н. Себелев. «Намотаю душу...»)

Собственно, «иероглиф сна» рельефно обозначен в стихотворении «Листва под снегом...», где невесть откуда взявшиеся персонажи из детского фильма убегают по световому лучу «обратно, в киноплёнку», словно бы в подтверждение тезисов Бодрийера о недостоверности мира, о тотальном симулякре (позволим себе процитировать этот текст целиком, без лакун):

Листва под снегом,
под коркой льда
под настом ярким,
навсегда,
в суглинок хрупкий отошла.

Как в детстве
под стеклом «секрет»,
песком припорошённый.
Под льдинкой
виден охровый скелет,
сбежавший с бурей
карбовый портрет,
ветвей разворошённых.

12 Босвеллия (лат. *Boswellia*) – род деревьев семейства Бурзеровые, распространённых в тропических районах Африки и Азии (в частности, на полуострове Сомали), известна также как «ладанное дерево»: из неё методом подсочки древесины добывается ароматная психоактивная камеде-смола, древнейшее благовоние, используемое наряду с миррой во многих религиозных церемониях.

13 Тэзе́ (фр. Taizé) — христианская экуменическая община, находящаяся во французском департаменте Сона и Луара, в Бургундии, см.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тэзе_\(община\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тэзе_(община)) .

14 Вплоть до его трагической гибели 16 августа 2005 г., когда 90-летний Роже Шютц был зарезан во время литургии душевнобольной прихожанкой.

В корнях и кронах
 линии звенят,
 как провода они заледенели;
 коклюшкою¹⁵ струна
 завита в звуки,
 радеет корюшка, вписавшись в щит герба¹⁶,
 а в небе
 застыли облака.

Но где-то на экране
 Чуки, Геки,
 на белом полотне, в луче,
 наверняка схитрили
 и убежали по лучу обратно в киноплёнку.

А треснувшей уключине
 уютно в полынье Ветлуги,
 или любой другой
 прогалине во льду¹⁷.

Ты смотришь отрешённо
 на хрупкий наст:
 растаял срезанного керна пласт¹⁸,
 дышащий ветром и водой.

Ты видишь искры на небосводе.
 Лучами солнца на восходе
 сияет звук.

Свинье отрада – стручки хрустят.
 Алмазам стук копыт знаком
 и скрип седла
 и хрип коня
 царей восточных
 на тропинке,
 посыпанной египетским песком.

Постой! Замри! Я отойду!
 Забудь про санки,
 не под ноги смотри!
 Сквозь трещины пробьётся солнце.
 Созвездье взглядов
 смотрит на Звезду.

15 Коклюшки – инструмент кружевниц, действительно, по форме очень напоминающий колки гитары и др. струнных инструментов.

16 Корюшка на гербах встречается довольно редко: это мог бы быть внесловный (купеческий) герб семейства Вандышевых из Домодедова (XIX в.) с девизом «Labore et zelo» – «с трудом и усердием» (такой же девиз был и у украинских дворян Безбородько). Здесь же имеется в виду герб города Переславля-Залесского.

17 Во французском языке уключина – «la dame de page», буквально «дама плавания» (ср.: Notre Dame, Богородица). То есть, расширительно (и вряд ли для кого-либо из читателей очевидно), «уключина в полынье» – это богородичная икона, плывущая во вневременном контуре (примечание составлено по материалам переписки с автором стихотворения – М. Б.).

18 Керн – цилиндрический столбик горной породы, образец, извлеченный из скважины. В данном случае – скважина во льду.

Н. Себелев (фотопортрет М. Б., 2015)

Хаотическое ветвление образности не лишает эти стихи внутренней достоверности, оно свидетельствует – как в некоторых мистических текстах – об атмосфере духовного просветления.

Будучи сориентировано на поиск «киприотских» коннотаций в подборке Н. Себелева (и прежде всего в стихотворении «Листва под снегом...»), мета-сознание ИИ выдаёт следующее описание.

«Кипр окружён морем и имеет разнообразный климат, влияющий на растительность и экосистемы. Упоминание воды и ветра вполне можно связать с морским и прибрежным окружением острова, "хрупкий наст" символизирует уязвимость здешней природы, а искры на небосводе, как и образ звёздного неба, в разных вариациях встречающийся во многих стихотворных пьесах Себелева, указывают на то, что остров Кипр, находящийся в Средиземном море, известен своими ясными ночами и прекрасными пейзажами, что делает его идеальным местом для наблюдения за звёздами».

Свои сопоставления ИИ подкрепляет примером из поэзии Никанора Себелева, подобранным по сугубо формальному признаку – по частоте употребления слова «звёзды». За кадром остаются иронические нюансировки аллитераций, и в итоге пример сей доказателен лишь в плане демонстрации абсолютной неонтологичности (а соответственно и нелогичности, точнее, «врождённого» не-до-абсурдизма) искусственного разума:

Я смотрю на звёзды
и на их сиянье.
Ощущаю холод,
разочарованье.

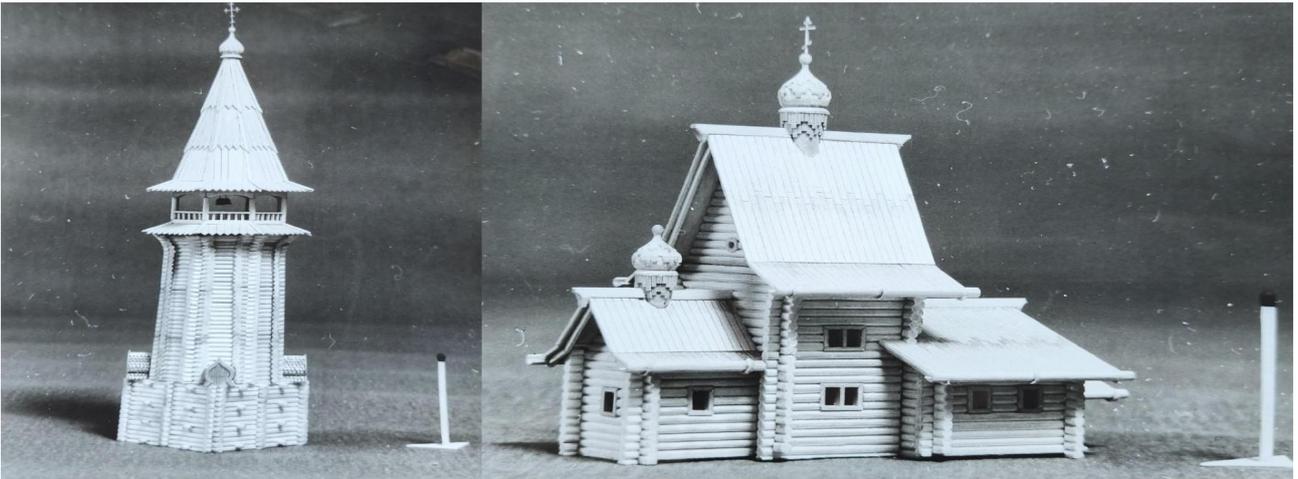
Звёзды нас сближают,
 звёзды разлучают.
 Звёзды нас не любят
 и не замечают.
 Их сиянье – холод,
 их мерцанье – омут.
 Их существованье –
 чудо из чудес.
 Их исчезновенье –
 горе, тьма, конец.

(Н. Себелев. «Я смотрю на звёзды»)

Для нас и без механической филологии несомненно одно: Никанор Себелев – поэтический самородок, запечатлевший в себе исторические и географические аллюзии на Средиземноморский Восток с его подземными гробницами царей и песчаными отмелями. Однако парадокс состоит в том, что в стихах Себелева нет нигде прямых упоминаний Кипра, как не артикулированы в них напрямую и глубинные антиномии богословской проблематики, в которой автор весьма сведущ. Его поэтика складывается из непрямого говорения, из бормотания (здесь так и хочется ещё раз сослаться на Г. Кацова, сумевшего очень верно обозначить стилистику другого поэта, Михаила Гронаса, как когнитивизм – только в нашем случае уместна будет уточняющая приставка «квази-»). Запевшие в унисон песчинки («Время»; см. следующую цитату), срезанный и растаявший пласт ледяного керна, созвездие взглядов, которое смотрит на Звезду («Листва под снегом») – словом, едва ли не всё, что Себелев оставляет читателю в открытом доступе, апеллирует не к пониманию, но, скорее, является триггером тотального недоумения.

Думается, что эта стилистическая особенность (назовем её *сокрытие предпосылок*) станет камнем преткновения для будущих исследователей творчества поэта (ежели таковые появятся). Например, стихотворение «Листва под снегом...», разбитое на 9 условных строф, приходится перечитывать в обратном порядке. Так, возвратившись от слов «Свинье отрада – стручки хрустят» (начало восьмой строфы) к «каробовому портрету ветвей разворошённых» (конец второй строфы), можно обнаружить образ Блудного сына, разъятый и спрятанный между обрывочными коннотациями к двум Царствам: земному и небесному. На Кипре в древности семена каробового дерева (*keration* по-гречески) использовались торговцами в качестве гирек, они весили 0,2 грамма (отсюда произошло однокоренное слово – «карат»). Ну, а Блудный сын, согласно евангельскому преданию, дойдя до крайней степени обнищания и позора, вынужден был питаться каробовыми стручками вместе со свиньями.

От продвижения по лестнице церковной иерархии Никанор Себелев отказался; вернувшись в Россию после многих лет полузатворничества на Кипре, он продолжает вести уединённый образ жизни, а в часы досуга помимо поэзии увлекается моделированием, склеивая из спичек миниатюрные макеты храмов (на фотографиях в левом нижнем углу в качестве единицы масштаба размещена спичка). В конце концов немногочисленные мирские друзья убедили Никанора Себелева проявиться на литературных горизонтах, и он решил – таки нарушить свой многолетний обет молчания, предоставив редакции «Эмигрантской лиры» подборку своих стихов.

Миниатюрные храмы Н. Себелева

Чтобы завершить очерк о поэтическом самородке, не желающем раскрываться в актуальном времени и словно бы затаившемся на перекрестье культур и вероисповедных истин, мне хочется привести ещё несколько строк Н. Себелева, по настроению перекликающихся со стихами недавно скончавшегося якутского автора Николая Штромилло (1964-2025)¹⁹ и совершенно выбивающихся из характерной для Себелева «внеземной» парадигмы. Здесь наш поэт, до сих пор пребывавший в абсолютном отстранении от катаклизмов и перипетий общественно-политического содома, неожиданно обращает своё лицо к современности и начитает говорить о ней, перечисляя в назывном порядке весь её ужас:

Город стонет.
 Бывший город,
 дымный призрак,
 ждущий тризну:
 без стола, еды, рыдания,
 воя тёток, матерей.
 Без отцов окаменевших
 и без плачущих детей.
 <...>

Захрустели втихомолку,
 с ритмом боли,
 в сердце боли,
 в мыслях боли,
 кирпичи, стекло, осколки,
 капли крови,
 реки крови,
 море крови.

После тщательной прополки.
 Нет стены, проёмов, окон,
 нет рекламных бликов, стёкол,
 только грохот с тишиной

¹⁹ Этот пронзительный поэт (ученик Е. Рейна) и автор-песенник последние 15 лет жил в интернате для неимущих в городе Лесосибирске; ознакомиться с его текстами можно по ссылке: https://moskvam.ru/publications/publication_2132.html.

<...>
дрон уронит...

И в подвале
кто-то стонет –
Город стонет.
(Н. Себелев. «Город стонет»)

Мелун, 06/08/2025

Приложение

Н. Себелев
Цикл «Время»

(редактура и разбивка на малые формы – М. Б.)

1. У неба (в календаре)

В календаре рассчитан каждый день,
Секунды в нем вибрируют как струны.
Лучами солнца выписана тень,
Дугой луны очерчены лакуны.

2. На камне

Поверхность камня впитывает время,
Внушаемое ей составом волн.

Слова и лица, люди, имена
Качаются на стремени прилива;

Разносится в тумане хрип коня.

На маяке опять застыл огонь
при свете дня.

3. При свете дня

Зачем на маяке застыл огонь
И письма скукожились от жара?
Жара пришла с востока, посолонь.
Песчинки, сопряжённые по парам,
Запели, застонали в унисон.

4. В ночи

Босвеллии потрескалась кора,
И ароматы растворили вечность,
Не подтверждая жизни скоротечность,
Уложенную в «завтра» и «вчера».